

Концепт политического тела во французском политико-философском дискурсе XIV в.

Павел С. Бычков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
rubblebuffin@yandex.ru*

Аннотация. На протяжении XIV–XV вв. французские интеллектуалы активно использовали образ политического тела в своих произведениях – в «зерцалах для правителей», проповедях, балладах и первых политических трактатах. В этом ключе подвергались переосмыслению как античные примеры построения подобных моделей, так и средневековые произведения. Метафора политического тела стала постоянным лейтмотивом «зерцал для правителей» XIV в., которые при помощи этого тропа старались объяснить сложную социальную структуру и отразить абстрактную природу государства. Если в них политическое тело часто выступало идеалом, образцом правильного государственного устройства, то антиподом становился образ больного или монструозного тела. К этому образу обращается в своих балладах Эташ Дешан, используя его, чтобы продемонстрировать плачевное состояние Французского королевства, одолеваемого междоусобными распрями и войной с Англией. Метафора политического тела получала разнообразные толкования: оно выступало концептом, призванным консолидировать вокруг фигуры монарха враждующие социальные группы и политические фракции, но в то же время могло быть аргументом в критике коррумпированности приближенных правителя. Столь разные стратегии интерпретации этого сложного образа заставляют обратить на него внимание, проанализировать генезис и развитие метафорических описаний государства.

Ключевые слова: политическое тело, метафора, Николя Орем, Эташ Дешан, Франция, XIV в.

Для цитирования: Бычков П.С. Концепт политического тела во французском политико-философском дискурсе XIV в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. Ч. 2. С. 200–231. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-200-231

The concept of body politic in the French political and philosophical discourse of 14th century

Pavel S. Bychkov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, rumblebuffin@yandex.ru*

Abstract. Throughout the 14th – 15th centuries, French intellectuals actively used the concept of body politic in their works – in mirrors for princes, sermons, ballads and first political treatises. In this vein, both ancient examples of the construction of such models and medieval works were subjected to re-thinking. The metaphor of the body politic became a constant leitmotif of the 14th century mirrors for princes, who with the help of that trope tried to explain the complex social structure and reflect on the abstract nature of the state. While in them the political body often served as an ideal, a model of correct state structure, the antipode became the image of a sick or monstrous body. Eustache Deschamps refers to such an image in his ballads, using it to demonstrate the deplorable state of the French kingdom, mired in feuds and the hardships of war with England. The metaphor of the political body was interpreted in a variety of ways: it was a concept designed to consolidate opposing social groups and political factions around the figure of the monarch, but at the same time it could be used to criticize the corruption of the ruler's close associates. Such different strategies of interpretation of that concept compel to further analyze the genesis and development of metaphorical descriptions of the state.

Keywords: body politic, metaphor, body politic, Nicole Oresme, Eustache Deschamps, France, 14th century

For citation: Bychkov, P.S. (2023), “The concept of body politic in the French political and philosophical discourse of 14th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, part 2, pp. 200–231, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-200-231

Как известно, устройство общества в Средние века нередко осмыслялось в категориях метафорического мышления. Для того чтобы отразить социальное устройство, динамику взаимоотношений между индивидами и функции каждой социальной группы и каждого члена общества, средневековые авторы пользовались образами и аналогиями. Основными инструментами Средневековья были прежде всего две формы восприятия и истолкования социальной действительности: метафора, т. е. определение-образ, и интерпретационная схема, иерархическая и функциональная

[Арнаутова 2019, с. 241–252]. Одной из таких констант в политической мысли французских авторов XIV в. станет так называемая органологическая теория, оперирующая метафорой человеческого тела и его частей. В рассматриваемом случае подразумевается расширительное толкование метафоры, под ней понимается не литературный троп, но скорее некие способы познания и осмысления мира, не столько фигура речи, сколько «фигура мысли», иными словами, метафора когнитивная. Подобная схема-образ, описывающая государство, получила название метафоры политического тела согласно формулировке средневековых томистов XIII в. – *corpus politicum*. В античной философии человеческое тело очень часто используется для аналогий – Платоном (Государство. IV. 420b; Законы. I. 628d), Ксенофонтом (Воспоминания о Сократе. II. 3, 18–19), Аристотелем (Политика. 1.2. 1253a), Цицероном (Об обязанностях. III. 22) и Сенекой (О гневе. II. 31,7), – при этом авторы прибегают к этой метафоре как для описания нормальной, так и кризисной ситуации: присутствует противопоставление тело функционирующего – нездоровому состоянию, когда оно лишается конечностей или поражено болезнью, когда его части и органы разобщены. Метафора болезни или физических недостатков получит свое дальнейшее развитие в политико-философской традиции Средневековья. Но метафора политического тела несет двойную функцию: она указывает как на зависимость власти от подчиняющихся ей членов политического тела, так и на важность существования государственного организма для рядовых граждан. Первую притчу о такой взаимозависимости, где «живот» – метафорический аналог государственного аппарата, можно найти в «Истории Рима» Тита Ливия в главах, рассказывающих о бунте войск в 494 г. до н. э. Тогда сенатом принимается решение не прибегать к насильственным действиям и отправить к плебеям консула Менения Агриппу, который умиряет бунт, рассказав притчу о восстании частей тела против живота: «В те времена, когда не было, как теперь, в человеке все согласовано, <...> возмутились другие члены, что все их старания и усилия идут на потребу желудку; а желудок, спокойно сидя в середине, не делает ничего и лишь наслаждается тем, что получает от других. Сговорились тогда члены, чтобы ни рука не подносила пищи ко рту, ни рот не принимал подношения, ни зубы его не разжевывали. Так, разгневавшись, хотели они смирить желудок голодом, но и сами все, и все тело вконец исчахли. Тут-то открылось, что и желудок не нерадив, что не только он кормится, но и кормит, потому что от съеденной пищи возникает кровь, которой сильны мы и живы, а желудок равномерно по жилам отдает ее всем частям тела» (История Рима от основания города. II. 32. 9–12).

Античный расхожий сюжет о взаимодействии конечностей с руководящим ими органом (желудком или головой), который будет интерпретироваться в последующую эпоху в том числе и в политическом ключе, современные исследователи называют басней «Живот и части тела» и часто приписывают Эзопу, однако стоит поставить его авторство под сомнение¹. У большинства римских авторов, благодаря которым нам известны произведения греческого баснописца – Авиана, Федре, Бабрия, – басня «Живот и части тела» отсутствует, зато появляется, например, в первопечатном издании перевода произведений Эзопа на английский в 1484 г.² Это заставляет предположить, что рассматриваемая басня была взята из Тита Ливия и впоследствии, т. е. как раз в XIII–XV вв., добавлена к другим каноническим произведениям Эзопа в силу своей жанровой принадлежности³. Одним из тех, кто первым включил в эзоповский канон притчу Тита Ливия, был составитель позднелатинских сборников басен Эзопа VI–IX вв., известный как Ромул. Скорее всего это псевдоним, под которым творили несколько раннесредневековых авторов, переложивших Эзоповы басни на латынь и оставивших нам несколько латинских сборников с разным набором историй⁴. Все эти образы тела и органологические модели государства используются и в высокое и позднее Средневековье вплоть до XVI в.: так, мы находим их у Иоанна Солсберийского, Николя Орема, Жана Жерсона и у Кристины де Пизан.

Метафорическое описание государства как тела в средневековом трактате «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» (*Policraticus: sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*), написанном в 1159 г. английским клириком Иоанном Солсберийским, оказало огромное влияние на всю последующую политико-философскую традицию⁵. В бытность секретарем архиепископа

¹ О басне «Желудок и части тела» см.: [Peil 1985]; Gombel H. Die Fabel "Vom Magen und den Gliedern" in der Weltliteratur. Halle (Saale): Niemeyer, 1934.

² The fables of Aesop, as first printed by William Caxton in 1484, with those of Avian, Alfonso and Poggio / Ed. by J. Jacobs. Vol. 1. L.: D. Nutt, 1889. P. 92–93.

³ Такую гипотезу высказывает, к примеру, Арнольд Харви, см.: [Harvey 2007, p. 5].

⁴ См.: [Adrados 2000, pp. 640–642]. М. Гаспаров датирует некоторые сборники «Ромула» серединой IV – началом VI в. н. э., впрочем, ничего не говоря конкретно о «Нилантовом Ромуле», см.: [Гаспаров 1972, с. 210].

⁵ Историография об Иоанне Солсберийском и его политико-философской теории обширна, подробную историографию см.: [Гладков 2018, с. 17–26].

Кентерберийского и особой, приближенной к королевскому престолу, Иоанн написал произведение в жанре «зерцала» – наставления правителю, каким образом ему следует управлять государством. В V книге «Поликратика» содержится так называемое письмо псевдо-Плутарха (за ним мог скрываться и сам автор) под названием «Наставления Траяна» (*Institutio Traiani*), в котором речь идет на самом деле не Траян, а наставником императора выступает Плутарх⁶. В инкорпорированном пересказе этой «переписки» римский историк и философ якобы обращается к императору с увещаниями, рекомендует, чтобы он правил строго, но добродетельно, прислушивался к наставлениям советников и «себя усмирал» (*te composueris*). Следующий фрагмент «Наставлений Траяна» содержит изображение государства в образе единого тела, при этом ответственным за здоровье государственного (политического) тела называется именно правитель, поскольку «правитель должен размерить себя всего (свои силы) и усердно уделять внимание всякому в теле государства, место которого занимает государь»⁷. В сконструированной модели государства Иоанна Солсберийского духовенство выполняет роль души (или духа), поскольку оно учит члены тела поклоняться Богу (или богам, как о том пишет псевдо-Плутарх)⁸. К голосу клириков государь обязан прислушиваться, должен почитать их так же, как человек заботится о своей душе.

Произведение Иоанна Солсберийского является наставлением правителю, и потому монарх в его социальной модели играет наиважнейшую роль: «Государь занимает место главы государства, подвластный одному Богу и тем, кто творит на земле Его волю, поскольку и в теле человеческом дарует жизнь голове и управляет ей именно душа»⁹. Государь должен править не по своей прихоти, а согласуясь с мнением духовенства и с высшим предназначением,

⁶ Гипотеза о фальсификации Плутарха впервые выдвинута: *Lieb-eschütz H. John of Salisbury and pseudo-Plutarch // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. L., 1943. Vol. 6. P. 33–39.*

⁷ “...Princeps se totum metiatur et quid in toto corpore rei publicae, cuius uice fruatur, diligenter aduertat” (Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive De nugis curialium et vestigiis philosophorum libri 8 / Recognovit et prolegomenis, apparatu critico, commentario, indicibus instruxit Clemens C.I. Webb. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1909. Vol. 1. P. 282). *Здесь и далее перевод мой.* – П. Б.

⁸ “...Uicem animae in corpore rei publicae obtinent” (Ibid.).

⁹ “Princeps uero capitis in re publica optinet locum uni subiectus Deo et his qui uices illius agunt in terris, quoniam et in corpore humano ab anima uegetatur caput et regitur” (Ibid. P. 282–283).

поскольку он творит волю Провидения: «Также и государство (*Respublica*) <...> телу подобно, которое при помощи Божественной милости одушевляется, ведомое принципом небесной справедливости, управляется неким кормилом разума»¹⁰. Сенат, который можно истолковать как синоним королевских советников, занимает место сердца, из которого, согласно Евангелию, исходит как доброе, так и злое¹¹. Органы чувств у Иоанна Солсберийского – глаза, уши и язык – это судьи и наместники областей, а руками политического тела называются чиновники и воины¹². Далее следует довольно размытая категория «советников» или «помощников» правителя, которые поддерживают всю структуру государства и потому являются его «боками»¹³. Как и упомянутый сенат, уподобляемый сердцу государства, еще одна анахроническая группа должностных лиц, «квесторов» и «секретарей», также выполняет функцию внутренних органов, а именно – живота с кишками, которые не должны переполняться (эта мысль окажется очень важной для последующих интерпретаций метафоры политического тела)¹⁴. Наконец, в «Наставлении Траяна» последними упоминаются крестьяне – они соотносятся Иоанном Солсберийским с ногами, поскольку являются опорой всего государственного колосса. Крестьяне и ремесленники связаны с землей в буквальном и метафорическом смысле, выступая опорой государственного строя, они, по мнению автора, требуют «наибольшего внимания и заботы со стороны его главы»¹⁵. Автор отводит «третьему сословию» роль ног не случайно – это одновременно тактика консолидации королевской власти с крестьянами, как то аргументированно показывает в своей статье Тильман Струве, но в то же время и предупреждение неразумному правителю не пренебрегать благосостоянием своих подданных [Struve 1983, SS. 14–18]. Несмотря на то что третье сословие упоминается в самом конце, тем не менее

¹⁰ “Est autem Respublica, sicut Plutarcho placet, corpus quoddam, quod divini muneris beneficio animatur, et summæ æquitatis agitur nutu, et regitur quodam moderamine rationis” (Ibid. P. 282).

¹¹ “Cordis locum senatus optinet, a quo bonorum operum et malorum procedunt initia” (Ibid. P. 283).

¹² “Oculorum aurium et lingue officia sibi uendicant iudices et praesides prouinciarum. Officiales et milites manibus coaptantur” (Ibid.).

¹³ “Qui semper adstant principi, lateribus assimilantur” (Ibid.).

¹⁴ “Quaestores et commentarienses (non illos dico qui carceribus praesunt, sed comites rerum priuatarum) ad uentris et intestinorum refert imaginem” (Ibid.).

¹⁵ “Capitis prouidentia tanto magis necessaria est” (Ibid.).

ему отводится особая функция «столпов власти»; через какое-то время подобная роль народа станет общим местом рассуждений о социальном устройстве и потребует переосмысления и углубления в XIV–XV вв., но для XII в. подобная характеристика является более чем исчерпывающей.

Начиная с Иоанна Солсберийского метафора политического тела будет использоваться как инструмент для манифестации иерархии и взаимодействия индивидов и групп внутри социума. Посредством образа тела государства будет оформляться его политико-философское понятие, обсуждаться роль социальных групп внутри структуры государства и составляющие части государственного аппарата. Наследие Иоанна Солсберийского было востребовано многими французскими сочинителями, создававшими наставления для монархов. Зачастую авторы этих «зерцал» писали свои трактаты, напрямую цитируя «Поликратика» или другие произведения, использовавшие органологическую теорию. Сам жанр «зерцал для правителей» (*specula principum*) появился в IX–X вв., представляя собой поучения для правителей, написанные клириками или придворными, в которых те обильно цитировали размышления античных философов или полезные, с точки зрения авторов, исторические примеры¹⁶.

Многие авторы «зерцал для правителей», ориентируясь на Иоанна Солсберийского, описывали государственную структуру посредством метафоры тела, часто помещая этот образ в начало своих произведений, чтобы определить роль правителя в социальном устройстве. С такого пассажа начинается латинский трактат *Liber de informatione principum* – книга наставлений для правителя, созданная в Париже между 1300 и 1314 гг. «Зерцало» делится на четыре части по образцу аналогичного произведения Эгидия Римского: в первой части находятся рассуждения о необходимости правителю быть добродетельным и служить примером для своих подданных, во второй говорится о правильном руководстве своим телом и душой, а также о том, как распоряжаться своим имуществом и как правителю быть достойным главой семьи. Третья часть трактата повествует о мудрости, которую необходимо приобрести монарху, а четвертая посвящена судебным функциям короля и рассуждениям о справедливом суде [Scordia 2004, pp. 507–532]. В самом начале *Liber de informatione principum* анонимный автор XIV в. почти дословно повторяет Иоанна Солсберийского: «Необходимо понимать, что государство является своего рода телом, составленным из разных членов: король в нем занимает место главы;

¹⁶ Подробнее о «зерцалах» см.: [Jónsson 1995; Michel-Collectif 2022].

сенешали, прево и судьи служат ушами и глазами; мудрецы и советники являются сердцем; воины защищают его наподобие рук; купцы, объезжающие весь мир, похожи на голени, а земледельцы и крестьяне – на ступни, которые в землю упираются; поэтому правитель является главой в теле государства»¹⁷. Как можно заметить, этот отрывок соотносится с формулировками «Поликратика» и содержательно, и даже синтаксически. Традиционная органоологическая структура, изобретенная Иоанном Солсберийским, остается практически неизменной; единственное, что меняется – это детализация органов и их функций, которые в *Liber de informatione principum* становятся более многочисленными и дифференцированными. В политическом теле обретают свое место сенешали и прево, третье сословие разделяется на купцов и крестьян, приобретая таким образом более многослойное устройство. В приведенном отрывке благодаря метафоре описывается весь многоступенчатый государственный аппарат и социальная иерархия, от монарха до земледельца.

Это не единичный случай во французской поучительной литературе XIV в. Другой неизвестный автор «Совета королям» («l'Avis aus Roys») середины XIV в. в первой главе первой книги дает схожее описание королевства как человеческого тела¹⁸. Он называет шесть причин, которые объясняют, почему король должен быть мудрым, добродетельным и примерным правителем. Первая состоит в том, что монарх является примером для своих подданных: он, подобно солнцу и другим светилам, находится на виду у всех, в силу этого он должен следовать путем добродетели. «Вторая причина состоит в том, – продолжает автор зеркала, – что, как сказано в Священном писании, короли – это главы над народом, а под-

¹⁷ “Sciendum est autem quod cum Respublica sit quasi quoddam corpus compaginaturn ex membris variis: rex princeps in eo obtinet locum capitis; senescalli propositi et iudices officium aurium habent et oculorum; sapientes et consiliarii officium cordis; milites protegentes sunt ad modum manuum; mercatores discurrantes per mundum ad modum tibiarum; agricolae et (an) pauperes solo inherentes ad modum pedum; princeps igitur in corpore republice est sicut caput” (*Liber de informatione principum*. I, 1. Цит. по: [Lepot 2014, t. 1, p. 138]).

¹⁸ Зерцало «Совет королям» сохранилось в шести рукописях: в Нью-Йорке (Morgan Library, MS M. 456), в Берлине (Staatsbibliothek, MS Hamilton 672), Шантийи (Bibliothèque du château, MS 314 [688]) и Руане (Bibliothèque municipale, MS 939 [I. 36]), две – в Лондоне (BL Cotton MS Cleopatra B. X; BL Royal MS 5. E. VI). Подробнее см.: [Lepot 2014, t. 1, pp. 16–122].

данные являются членами, и поэтому сказано было Саулу, первому царю: “не малым ли ты был в глазах твоих, когда сделался главою колен Израилевых, и Господь помазал тебя царем над Израилем?” (1 Цар 15:17), это значит, что, когда ты был мал и смиренен, не был ты главой над потомками народа Израиля...». В силу того что произведение посвящено образу жизни и действий монарха, автор «зеркала» акцентирует внимание на месте правителя в этой органо-логической модели, делая традиционную в таких случаях ссылку на Священное писание, но не на ап. Павла как в сочинениях религиозного характера, а на Книгу Царств, отчасти сфабриковав цитату. В оригинальном тексте Вульгаты отсутствует телесная метафора, есть только слово «глава» (*caput in tribuus Israhel*), обозначающее вождя племен Израилевых. Заострив свое внимание на функции монарха в политическом теле, анонимный автор после этого решает продолжить вольный пересказ цитаты Иоанна Солсберийского: «...поскольку король есть голова; сенешаль, бейлиф и прево или иной какой судья служат глазами и ушами; мудрец и советник выполняют роль сердца; рыцарь, который обязан защищать общее благо, служит руками; купец, который объезжает весь мир, является голенями; а крестьянин – ступнями, поскольку они всегда уперты в землю и поддерживают тело. И поэтому правитель есть глава всего тела сообщества...»¹⁹. Метафора тела усложняется: к сенешалю, судьям и прево автор добавляет бейлифов, а архаические институты из «Поликратика», вроде сената (очевидной аллюзии на политическую систему Рима), уходят. Взамен сената и квесторов место сердца государственного тела занимает отныне королевский совет, в то время как полностью устранено от управления королевством сословие клириков. Как можно видеть, происходит постепенная трансформация политического тела, в котором духовенство играет все меньшую роль, а зарождающиеся бюрократические институты обретают свое место в воображаемой фигуре.

¹⁹ “La seconde raison est quar selon la Sainte Escripiture, li roys est li chiés par dessus le pueple subget qui sont li membre et pour ce fut il dit a Saül le premier roy: Cum esses parvulus in oculis tuis nonne caput in tribubus Israel factus es. C’est a dire quant tu estoies petiz et humbles, ne fu tu mie faiz chief es lignees dou pueple d’Israel, dont le roy si est le chief, seneschaut, baillif et prevost, et autre juge ont l’office des eyls et des oreilles, li sage et li conseiller on l’office dou cuer, li chevalier qui ont a deffendre le bien commun ont l’office des mains, li marchent qui courent par le monde ont l’office des gembes, li laboreur des terres ont l’office des piés, quar ils sont tous jours a la terre et soustiennent le corps. Et ainsi li princes est le chief de tout le corps de la communauté...” (Avis aus roys. I.1, 2, § 17–25. Цит. по: [Lepot 2014, t. 2, p. 13].

Описав структуру политического тела, автор возвращается к дидактическим тезисам, адресованным монарху. Третья причина для правителя быть добродетельным – невозможность долгого поддержания мира и спокойствия при помощи страха и насилия. Подобные методы, утверждает автор «Совета королям», не помогут королю приобрести любовь подданных в отличие от искренней заботы о благосостоянии своего народа. Четвертой причиной является исключительность Франции как наиболее прославленного и христианского королевства, глава которого должен соответствовать этому идеалу, а пятой – то, что король, имея в своем распоряжении все самое лучшее из одежд, еды и предметов, должен обладать и наилучшими качествами, добродетелями. Шестая, заключительная, причина – доказательство от противного – состоит в том, что, если государь не старается быть примером для своих подданных, то его развращенность принесет гораздо больше горя и бед, чем пороки обычного человека, не наделенного такой властью. Адресат «Совета королям», как и автор, неизвестен, но существует гипотеза, что «зерцало» создано для Людовика I Анжуйского, брата Карла V [Camille 1993, pp. 393–405]. Традиция адресовать произведения подобного жанра монархам или наследникам престола сохранится и в последующие века [Круген 1981]. «Совет королям» разделен на четыре части: первая часть, как уже было отмечено, посвящена личности монарха, его качествам и добродетелям, вторая – правильно-му отношению монарха к своему телу, руководству членами семьи и землями, в третьей части разбираются способы управления всем королевством и подданными в мирное время, наконец, четвертая и последняя часть трактата рассказывает о том, как монарху необходимо править в условиях продолжающейся войны.

Цитата из «Совета королям», описывающая политическое тело, открывает рассуждения об обязанностях и добродетелях монарха, выстраивая таким образом всю структуру взаимодействия социальных групп в обществе. Совпадения в описании «тела государства» в *Liber de informatione principum* и рассмотренном выше трактате не случайны: автор «Совета королям», по всей видимости, помимо других источников неоднократно обращался и к «Поликраттику», и к *Liber de informatione principum*, и к еще одному схожему по жанру произведению – *De regimine principum* Эгидия Римского²⁰. Сама *Liber de informatione principum* не канула в Лету, но была прочтена и

²⁰ Авторство *Liber de informatione...* ранее ошибочно приписывали Эгидию, см.: Delisle L. Anonyme, auteur du *Liber de informatione principum* // *Histoire littéraire de la France*. Paris: Imprimerie nationale, 1893. Т. 31. Р. 35–47.

переосмыслена – в 1379 г. придворный переводчик Карла V Мудрого, богослов монах-кармелит Жан Голен переведет сочинение на французский, озаглавив его как “L’information des princes”, и посвятит этот перевод королю, о чем свидетельствует открывающая книгу миниатюра²¹. В своем переводе Голен дословно повторяет цитату из латинского оригинала, передавая более органичными современными терминами социально-политические реалии XIV в.²² Нововведением, которое приживется в последующих зеркалах, станет перевод на французский слова «республика» – Голен передает это понятие как “la chose publique”, «общественную вещь» и приравнивает значение к «государству», синонимичному, но не равному «королевству» (*regnum*, *goiaume*, *goaume*)²³.

Помимо статичного образа идеального тела, где каждый член социального организма находится на своем месте и исправно функционирует, в источниках часто можно встретить политическое тело, призванное описать ситуацию кризиса – больное, раненое, пресыщенное излишними яствами и ослабленное пороками. Болезнь в подобных метафорических моделях очень часто оказывается связанной с диспропорцией гуморов, жидкостей или соков, неправильно распределенных по органам и конечностям воображаемого тела. Зародившись в неоплатонической традиции, теория четырех гуморов получает развитие в философии и медицине в первую очередь у Галена (II–III вв. н. э.). Согласно этой гипотезе в теле человека сосуществуют четыре определяющих элемента витальности: кровь, желтая желчь, флегма (слизь) и меланхолия (черная желчь)²⁴. Эти жидкости, согласно с учением о микрокосме, могут быть соотнесены со стихийными первоэлементами, а также традиционно соотносятся с временами года (флегма считалась

²¹ Le Livre de l’information des princes, traduit de *De informatione principum* par Jean Golein. BNF. Fr. 1210.

²² “L’en doit sauoir que la royal mageste est en la chose publique aussi comme un corps compose de diuers membres, ouquel le roy ou le prince tient le lieu du chief, et les seneschaulz, les preuoz, les iuges ont l’office des oreilles, des iex, et les sages conseilliers l’office du cueur, et les cheualiers deffendeurs le lieu des mains, et les marcheans courans par le monde sont a maniere de iambes, les laboureurs cultiueurs des champs et les autres popules pources sont adioncs a maniere des piez” (Le livre de l’information des princes. BNF. Fr. 1950, I. 1, fol. 4 rb.).

²³ О государстве как “état” и “chose publique” см.: [Genet 1983, pp. 35–50; Кола 2002, с. 75–83; Collins 2022, pp. 29–109, 189–227].

²⁴ Подробнее о воззрениях псевдо-Гиппократ и Галена на роль гуморов в человеческом организме см.: [Kalachanis, Michailidis 2015].

причиной простуд в холодное время года, желчь, наоборот, могла служить причиной жара и т. д.); таким образом, в течение болезни, породившей хаос в социуме, привносились идеи порядка и размерности, ритма и равновесия²⁵. Поэтому ключевой идеей в средневековой медицине было равновесие: баланс жидкостей обеспечивал стабильную работу организма, рецептом поддержания баланса выступало изъятие из организма или подавление лишних объемов того или иного гумора (в силу этого одним из методов лечения было и кровопускание) [Портер, Вигарелло 2017, с. 257]. Точно так же, как гуморальная теория предписывала индивиду умеренность и дисциплину в отношении собственного тела, так и представление о гармоничном и стабильном социальном устройстве строилось на идеях меры и порядка – как правитель и правящие сословия должны быть умеренны в своих желаниях, так и подданные должны подчиняться, выполняя предписанные им функции и соблюдая социальные нормы.

Гуморальная теория получает новое, социополитическое, истолкование в трактате одного из самых видных авторов круга Карла V, Николя Орема под названием «О монете» (*De Moneta*, 1355). В этом произведении происходит совмещение двух образов: политического тела, ослабленного политическим кризисом и коррупцией, и человеческого тела, пораженного чревоугодием. XXV главу своего трактата Николя Орем начинает со ссылки на древнегреческого философа, одновременно воспроизводя формулу Иоанна Солсберийского: «Государство или королевство подобно телу, как говорит о том Аристотель в пятой книге “Политики”». Затем он сравнивает работу человеческого организма с экономическими процессами: если богатства скапливаются в руках представителей высших сословий, а подданные монарха при этом становятся все беднее, то политическое тело окажется ослаблено: «Распределение в теле неправильно, когда гуморы в большом количестве перетекают в одну часть тела так, что часто один из членов воспален и чрезмерно раздут, в то время как прочие части тела иссушены и чрезмерно истощены. Таким образом, надлежащие этому телу пропорции исчезают, и долго оно жить не может. То же происходит и с обществом или государством (*regnum*), когда богатство присваивается вне меры одной частью сообщества. Общество или государство, правители которого во много раз начинают превосходить подданных богатством, положением и властью, становится подобно монстру, подобно человеку, чья голова настолько велика,

²⁵ О гуморальной теории в эпоху Средневековья см.: [Noga 2007, pp. 71–170].

настолько тяжела, что все его тело не может уже ее поддерживать»²⁶. Традиционная дидактика, адресованная монарху, получает здесь медицинскую аргументацию, которая не только приложима к личности правителя, но и помогает обрисовать правильное и гармоничное устройство общества в целом.

Другим описанием государства, где нарушен изначальный порядок и все части приведены в болезненное и дисгармоничное состояние, что свидетельствует о его кризисе, является образ политического тела в балладах Эташа Дешана [Бычков 2021b]. В первую очередь Дешан обращается к басне Ромула, рассказываемая в балладе 252 о восстании частей тела против желудка. Это восстание породило хаос в политическом теле: «...одно с другим смешалось, отец и сын, сеньор убил своего серва, / Город разрушен, и разорена страна»²⁷. Поэт делает выводы о необходимости сбалансированного сосуществования главы и частей тела, которые управляющему органу надлежит возвращать и координировать, но, если же эти части тела выказывают непослушание, глава «должен защищать свое право» (“il doit son droit garder”). Картины разрушения страны чередуются с описаниями поврежденного тела: «ноги и ступни уничтожены и сожжены», «живот умер», и «главы» не могут восстановить свои конечности, поскольку «один без другого не может долго протянуть»²⁸. Заключительная строфа,

²⁶ “Est ergo res publica siue regnum sicut quoddam corpus humanum, et ita uult Aristotiles quinto Politice. Sicut ergo corpus male disponitur, quando humores excessiue fluunt ad unum eius membrum ita quod illud membrum sepe ex hoc inflammatur et nimium ingrossatur, reliquis exsiccatis et nimis attenuatis, tolliturque debita proportio, neque tale corpus potest diu uiuere; ita conformiter est de communitate uel regno, quando diuicie ab una ipsius parte attrahuntur ultra modum. Communitas namque uel regnum, cuius principantes in comparacione ad subditos, quantum ad diuicias potentiam et statum, enormiter crescunt, est sicut unum monstrum, sicut unus homo cuius caput est tam magnum, tam grossum, quod non potest a reliquo debili corpore sustentari” (The *De Moneta* of Nicholas Oresme and English Mint documents / Ed. by Ch. Johnson. L.; Edinburgh; P.; Melbourne; Toronto; N.Y.: Thomas Nelson and Sons Ltd, 1956. P. 43–44).

²⁷ “...L’un l’autre mesler, / Le père au fil, seignour son serf tuer...” Œuvres complètes de Eustache Deschamps publiées d’après le manuscrit de la Bibliothèque nationale / Ed. by G. Raynaud, H.A. Edouard, le marquis de Queux de Sainte-Hilaire. P.: Firmin-Didot et Cie, 1880. T. 2. P. 89).

²⁸ “Quant jambe et piet seront destruit et ars... / Ventre mourra, li chiefs ... ne pourroit pas ses membres recouvrer... / L’un sanz l’autre ne puet longues durer” (Ibid. P. 90).

как и во многих других балладах Дешана, содержит наставление читателю, как следует поступать: «Главы должны свои части тела любить и супротив закона (*droit*) их не отсекасть, / И голове все из них (частей тела. – *П. Б.*] должны быть покорны»²⁹. Здесь заметно влияние органологической теории римских авторов, где живот или желудок оказывается замещенным головой, происходит синтез античных сюжетов и метафоры политического тела Иоанна Солсберийского³⁰.

В балладе 398 ноги и другие части тела обращаются ко рту с жалобой: его жадность и обжорство причиняют им страдания. Осуждая чревоугодие рта, конечности призывают его вспомнить как нужно «жить благоразумно». Они обвиняют его в том, что эта прожорливость их убивает, рефреном звучат призывы к трезвой жизни («здоровой трезвости», *sobriété saine*). Здесь вполне традиционная проповедь против неумеренности, совмещенная с метафорой политического тела, превращается в аллегорическую критику высших сословий. Вся баллада написана от лица «презренных» ног, которые изнемогают от тяжести верхних частей тела. Представители третьего сословия аллегорически взывают к принцам и рыцарству: «Руки, заметьте горести, которые мы претерпеваем. / У наших бед определенная причина есть: / Вы рту даете чеснок и лук, / И мясо, и слишком много вин, которые не на пользу ему. / Живот поддерживать каждого из нас должен, / Его тяжелая голова нам доставляет много неудобств, / Ограничьте ее, предпишите ей воздержание, / Или и живот, и вы погибнете внезапно, / И вместе с вами – мы, при таком вашем упрямстве...»³¹. Рот отвечает на претензии других органов, что ноги и пятки сотворены для «доброго служения», для «крестьянской работы» (*“bien server”, “chose villaine”*). Руки увещевают, указывая, что

²⁹ “Princes, li chiefs doit ses membres amer, / Et contre droit ne les doit entamer, / Et le chief doit d’eulx tous estre obeis...” (Ibid. P. 90).

³⁰ Эташ Дешан упоминает Сократа, Тита Ливия, Сенеку и, наравне с ними, «Поликратика» Иоанна Солсберийского в балладе 1367 (*Œuvres complètes de Eustache Deschamps publiées d’après le manuscrit de la Bibliothèque nationale. T. 7. P. 209*).

³¹ “Mains, avisez les griefs que nous souffrons; / De noz douleurs estes cause certaine: / A la bouche baillez aulx et ongnons, / Viandes et vins trop plus qu’il ne conviengne. / Le ventre fault chascun de nous soustiengne; / Son chief pesant trop nous fait de grevance; / Restraignez la, baillez lui abstinence, / Ou ventre et vous mourrés soudainement, / Et nous aussi, en tel perseverance...” (*Œuvres complètes de Eustache Deschamps publiées d’après le manuscrit de la Bibliothèque nationale. T. 3. P. 181*).

хотя рот «является их господином (сувереном, *souveraine*)», они все же просят его умерить аппетиты: ради его собственного благополучия он не должен превышать необходимого. Ссылаясь на «справедливый порядок» (*“droite ordenance”*), они не желают продолжать этот «танец» (т. е. поведение, слово введено для благозвучной рифмы) и должны впредь жить в трезвости³².

Ordenance здесь употреблено в своем первом значении «порядка», «установления» – с XIII в. это понятие обозначает еще и королевский указ, ордонанс. Французское слово этимологически восходит к латинскому термину *ordinantia* – порядок, в том числе и божественный порядок, установление, производное от *ordo*, в таком смысле об *ordo/ordinantia* рассуждает и бл. Августин в трактате *De ordine*. В эпилоге Дешан приходит к выводу, что ноги и руки, без всякого сомнения, умирают именно из-за неправильного управления рта (*“desordenance de la bouche”*). Скорее всего обильная еда, в частности мясо и вино – маркеры высших двух сословий – символизирует материальные блага, которые накапливаются в верхних органах политического тела и ложатся тяжким бременем на всех представителей третьего сословия, т. е. на живот и ноги тела государства³³. Если противопоставление в последних десяти строках «хорошего управления, справедливого порядка» (*ordenance*) и «самоуправства, беспорядка» (*desordenance*) действительно подразумевает двусмысленную трактовку этого термина и как социального устройства (*ordo*), и как корпуса королевских указов (*ordinaunces, ordenances*), то это позволяет нам провести аналогии с образом, созданным Николя Оремом. Чревоугодие (*gluttonie, gula*) выступает фактором, вносящим дисбаланс в циркуляцию четырех гуморов; правители и рыцари, злоупотребляющие своим положением, подобным же образом нарушают равновесие социального «справедливого порядка».

В балладе Дешана происходит инверсия басни Тита Ливия: в античных источниках призыв следовать естественному порядку был обращен к конечностям, к ногам и рукам, т. е. к плебеям; в новой интерпретации французского поэта неразумно ведут себя уже голова (рот) и живот (желудок), которые, не меняя своих функций, тем не менее исполняют их недобросовестно. В таком случае можно говорить об иносказательной критике системы несправедливого налогообложения (действительно имевшей место в последний пе-

³² Сходный сюжет присутствует в поэме неизвестного автора начала XIII в. «Чрево» (*De ventre*), см.: [Воскобойников 2019, с. 319–337].

³³ О символике «еды» и «чревоугодия» в лирике Эшташа Дешана см.: [Bliggenstorfer 1996, pp. 355–374].

риод Столетней войны), по аналогии с тем, как Дешан сатирически комментирует и критикует в других балладах несправедливость властей предрежающих, развращенность придворных, коррумпированность королевских чиновников или мародерство солдат в период обострений военных конфликтов Столетней войны. Вопрос же о правомерности военных поборов был самым обсуждаемым в последней четверти XIV в. как в высших слоях французского общества, так и среди представителей третьего сословия, становясь причиной городских и сельских восстаний. В произведении поэта последовательно прослеживается и идея «справедливого правления» (*le bon gouvernement*), согласующаяся с моралью «зерцал для правителей», – поведение монарха должно быть справедливым, разумным и щедрым, вступая на престол, он заключает завет с Богом, что будет радеть об общем благе³⁴. Но излишний эгалитарный пафос видеть в подобных дидактических выпадах не стоит – сатира является лишь инструментом выявления пороков общества, но не инструкцией по их устранению. В отличие от античной версии или баллады 252 (Дешана) бунта частей тела не происходит: конечно-сти ограничиваются плачами и жалобами, рецептом от социальной нестабильности становится «умеренность» и возвращение к «старым добрым порядкам» – к честному соблюдению общественного договора между «верхом» и «низом».

В балладе 1056 приводится диалог головы и конечностей, где они обвиняют друг друга в том, что стали причиной болезни всего тела. Эташ Дешан вновь берет за основу фабулу Тита Ливия, описывая политическое тело не только как разобщенную структуру, части которой находятся в конфликте между собой, но и введя мотив спора головы и тела, аналогичный многим другим расхожим литературным сюжетам о диспуте аллегорических фигур, представлявших индивида: спор души и тела, спор жизни/живота и смерти, спор разума и души и т. д. Баллада начинается с вопроса, заданного головой телу. «Больная я, – сказала глава телу, – / Не знаю ведь, что сделать я должна»³⁵. Тело отвечает ей, что причина бедствий в том, что голова заменила естественные части собственного тела на чужеродные. «...Вы отсекли от себя / Правильные (*droiz*) части тела, которые вас поддерживали, / Чужие руки не могли помочь вам, / – Сказало тело, – поскольку от меня вы оторвали / И ноги, и плечи, и весь правый бок / И со мной связали члены совсем дру-

³⁴ О политических взглядах Дешана см.: [Lassabatère 1995, pp. 69–82].

³⁵ “*Malade suy, dist le chief a son corps / Tant que ne sçay que je devenir doye*”. *Œuvres complètes de Eustache Deschamps publiées d’après le manuscrit de la Bibliothèque nationale*. Т. 5. Р. 344).

гие, / Которые меня всего ломают и портят ваше здоровье»³⁶. Каждая строфа баллады заканчивается рефреном, воспроизводящим вопрос главы к собственному телу: «О, тело, милый друг, скажи мне, что же надо сделать?»³⁷ – риторическое восклицание, которое позволяет телу продолжить свой рассказ. Голова здесь вновь символизирует королевскую власть, которая оказывается по каким-то причинам ослаблена и поколеблена, и Дешан видит причину этого социального кризиса в отсутствии опоры высших сословий на более широкие слои населения, моделируя ситуацию, в которой король и его двор вынуждены будут обратиться к третьему сословию за помощью. Тело утверждает, что его донесения истинны и должны помочь голове исцелиться. Оно сообщает, что стали «чужие ноги теперь как псы и свиньи, / Которые не стремятся быстро схватить свою добычу»³⁸. По всей видимости, в балладах Дешана ноги могут выступать как для обозначения третьего сословия (в балладе 398), так и в качестве аллегии солдат или рыцарей, слуг короля, т. е. охотничьих псов. Однако далее тело продолжает говорить в негативном ключе уже и о руках, утверждая, что «то, что они хватают, достается врагу»³⁹. Интересно и то, что ноги сравниваются со свиньями, нечистыми животными, а руки – с псами, сохраняя традиционное вертикальное и бинарное деление тела на верх и низ. Можно предположить, что проблематика художественных произведений Дешана была продиктована современной ему общественно-политической обстановкой. В сентябре 1380 г. умирает Карл V, и престол достается одиннадцатилетнему дофину Карлу. При несовершеннолетнем наследнике правят регенты, наиболее могущественные магнаты Французского королевства – герцог Бургундский Филипп Храбрый, герцоги Людовик Анжуйский и Жан Беррийский. Несмотря на то что активных военных действий напрямую между англичанами и французами в этот период не велось, начало правления Карла VI оказалось крайне тяжелым для податных сословий: система налогообложения, созданная для финансирования войны при Карле V, служила поводом для постоянного недовольства населения, сельская местность была разорена

³⁶ “...Vous avez bouté hors / Les droiz membres dont je vous soustenoie, / D'estranges mains aidier ne vous pourroye, / Ce dist le corps, car vous m'avez osté / Jambes et bras et le destre costé / Et m'avez joint membres d'atre parage / Qui m'ont destruit et a vous la santé” (Ibid. P. 345).

³⁷ “– Corps, doulz amis, dy moy donc que feray ge?” (Ibid.).

³⁸ “Estranges piez sont comme chiens et pors / Qui ne servent fort de happer leur proye...” (Ibid.).

³⁹ “Ce qu'ilz happene est ou fiens bouté” (Ibid.).

недавними военными походами Бертрана дю Геклена со стороны французов, Эдварда «Черного принца» и Джона Гонта со стороны англичан. Спустя какое-то время регенты–родственники короля начали использовать средства казны на собственные военные кампании в Неаполитанском королевстве и Фландрии, и их амбиции привели к междоусобным конфликтам [Autrand 1986]. Скорее всего именно этот исторический контекст подразумевает Дешан в своей дидактической лирике.

Посредством продолжающегося монолога политического тела автор выводит из вышеказанного мораль всего повествования, которой тело завершает свою обличительную речь: «Если между телом и головой будет разлад, / Никогда не смогут быть связаны они подданством (*vasselaige*)»⁴⁰. В этой фразе поэт употребляет термин «вассалитет» (*vasselaige*), при этом эксплицитно не подчеркивая власти головы над телом, а характеризуя подобное положение скорее как взаимовыгодный союз, договор («вассалитет» заключен, “*ne feront*”), что будет еще ярче сформулировано в заключительной строфе баллады. В конце второй строфы подводится итог, почему нормальные отношения главы и тела в данный момент невозможны: «Силен поскольку есть живот, ослаблена – глава»⁴¹. Можно предположить, что в качестве чужих органов в метафоре выступают английские солдаты, поскольку именно они, по мысли автора, наносят непоправимый вред Франции⁴². С другой стороны, эта обличительная речь может быть направлена против наемников и недостаточно дисциплинированных солдат, которых развратили затянувшиеся военные действия и которые осмеливаются грабить и причинять вред мирным простолюдинам⁴³. Тело упрекает голову

⁴⁰ “S’en est le corps et le chief affolé, / ne jamais jour ne feront vasselaige” (Ibid. P. 345).

⁴¹ “Fors que ventre est et le chief desolé” (Ibid.).

⁴² В 1360 г., будучи еще достаточно юным, Эташ Дешан был свидетелем осады Реймса англичанами, см.: *Raynaud G. Vie de Deschamps // Oeuvres complètes de Eustache Deschamps publiées d’après le manuscrit de la Bibliothèque nationale. P.: Firmin-Didot et Cie, 1903. T. 11. P. 12.* В 1380 г. англичане сожгли родной город поэта Вертю, не пожелавший платить им дань, и разграбили родовое поместье; о своем происхождении и родном городе он пишет в балладе 835 (Ibid. P. 5). В работе Мирен Лакассань (Miren Lacassagne) баллада 1056 связывается с первыми приступами безумия Карла VI, см.: [Lacassagne 1998, pp. 319–337].

⁴³ В силу отсутствия точных датировок баллад Дешана его поэтические произведения можно соотносить лишь с датами его жизни и аллюзиями на события, содержащимися в самих произведениях.

в том, что она забросила свои «живые и золотые», «природные» конечности, которые являются «вашими истинными сокровищами (*drois tresors*), / Соединенными с вами и в горе, и в радости»⁴⁴. Части тела, данные с рождения, связаны с головой кровообращением и могут существовать с ней лишь во взаимозависимых отношениях: «Они (части тела. – П. Б.) вам необходимы так же, как и я необходимо», – говорит тело. Глава не может отсечь от себя неугодные части тела и органы хотя бы потому, что не она приобрела их, но они принадлежат голове по праву рождения, согласно установлениям свыше: «...поскольку с головой конечности находятся в родстве»⁴⁵. Это самое «родство», «род» (*gentis*), а изначально «колено» (*lin-aige*) – понятие не только бытовое, но и социально-экономическое, включенное в феодальные отношения и означающее принадлежность индивида к какому-то клану, династии, клиентеле [Блок 2003, с. 125–127, 132–143]. Упрек тела голове может быть намеком, к примеру, как на несовпадение интересов герцогов – братьев короля, так и абстрактным сравнением всех подданных монарха с одной семьей, единой клиентелой. В заключительной строфе политическое тело обращается к «главе», говоря о том, что оно заключило союз (“*je conclu alliance*”) с природными конечностями, и требует от нее отказаться от «других» органов, поскольку «так будет исцелено и восстановлено, а по-другому – никак»⁴⁶. Однако окончание у этой баллады трагическое: голова требует прекратить огорчать ее подобными речами и вновь бесцельно вопрошает, что же ей делать. Таким образом, органологическая структура государства, почерпнутая из Тита Ливия, и метафора политического тела, воспринятая от Иоанна Солсберийского, получила свою оригинальную интерпретацию у французских авторов XIV в. как в политико-философских трактатах, так и в художественных произведениях, оставаясь важным инструментом осмысления событий политической жизни того времени.

Ранее в статье разбирались примеры применения метафоры политического тела в «зеркала» первой половины XIV в., однако авторы последующих десятилетий не только продолжали использовать ее, но и постепенно меняли содержание органологической модели Иоанна Солсберийского. Так, в произведении неизвестного автора «Сон садовника» (ок. 1376–1378, *Somnium Viridarii*, “Le songe

⁴⁴ “Naturelment, c’est vostre drois tresors, / Conjoins a vous et a dueil et a joye...” (OEuvres complètes de Eustache Deschamps publiées d’après le manuscrit de la Bibliothèque nationale. P. 345).

⁴⁵ “Car au chief don’t les membres de linaige” (Ibid.).

⁴⁶ “Ainsis serez garis et repassé / Autrement non” (Ibid. P. 346).

du vergier”), которое иногда приписывают Шарлю де Лувьеру или Эврау де Тремогону⁴⁷, в рассуждениях о светской и духовной власти, праве и справедливости, законах и вере вновь появляется образ тела государства. Предположительное время написания этого источника 1376 г. – конец правления Карла V, которому автор в прологе и посвящает свое произведение (Т. I, Prologue.7)⁴⁸. «Сон садовника» написан в форме диалога, дискуссии между клириком и рыцарем⁴⁹, каждый из которых представляет адвоката папы Римского и короля, при этом – по аналогии с «Романом о Розе» – происходит эта беседа в сновидении автора. Согласно словам рассказчика он заснул в саду, затем ему приснились четыре фигуры – король, папа Римский, рыцарь и клирик. Между представителями светской и церковной власти возникает спор о юрисдикциях и их границах, папа и король для разрешения этого конфликта избирают себе двух адвокатов – клирика и рыцаря соответственно, символизирующих два рода власти. Герои «Сна садовника», для того чтобы отстоять собственную точку зрения в дискуссии, прибегают к аргументам из разных сфер познания, цитируют юридические источники, философские произведения, канонические документы и энциклопедии⁵⁰. Первая часть этого пространного сочинения состоит из 186 глав, предваряемых прологом, вторая – из 282 и эпилога, каждая глава является репликой одного из спорщиков и посвящена какому-либо аргументу в происходящей дискуссии. В 38-й главе первой части трактата рыцарь, защищая прерогативы королевской власти от посягательств понтифика, говорит о подобии человеческого тела Вселенной, воспроизводя архетипический сюжет микро- и макрокосма. Он утверждает, что человек, «этот “малый мир”, представляет собой аналогию мира большого»⁵¹. Точно так же как в макрокосме присутствуют две сферы: духовная, ангельская, и плотская, земная, так и «в устройстве человека необходимы две природы: духовная, которая есть душа, и телесная, которая есть

⁴⁷ См.: Coville A. Évrart de Trémaugon et le Songe du Verger. P.: E. Droz, 1933; [Schnerb-Lièvre 1986, pp. 37–40].

⁴⁸ Coville A. Évrart de Trémaugon... P. 17–20.

⁴⁹ О средневековых трактатах в форме диспутов подробнее см.: [Hartmann 2007].

⁵⁰ Müller C. Ueber das Somnium Viridarii, Beitrag zur Geschichte der Literatur über Kirche und Staat im 14. Jahrhundert // Zeitschrift für Kirchenrecht. 1879. T. 14. S. 134–205.

⁵¹ “Et ce ‘maindre monde’ si représente la similitude du grant monde” (Le songe du vergier [Somnium Viridarii] / Édité d’après le manuscrit royal 19 C IV de la British Library; ed. by M. Schnerb-Lièvre. 2 vols. P.: Editions du Centre national de la recherche scient., 1982. Vol. 1. P. 60).

тело и его члены»⁵². После такой преамбулы автор подводит читателя к основному аргументу, который должна подтвердить данная метафора. Так же как мир делится на различающиеся друг от друга части, так и «в теле имеются разнообразные части и множественные члены»⁵³. Но среди этого разнообразия на первый план выступают «два наиболее важных» органа – сердце и голова (“*deux membres plus principaux*”). После этих слов автор переносит модель человеческого тела на большие социальные структуры, в роли которых выступают соответственно государство и Церковь: «...как в теле человеческого сердце и голова имеют разные обязанности, похожим образом управление миром имеет две юрисдикции, совершенно раздельные, то есть духовная, которая представлена головой, и мирская, которая представлена сердцем»⁵⁴.

Поначалу кажется, что автор «Сна садовника» следует традиционной схеме, в которой духовное сословие доминирует над всеми остальными, и потому начинает описание функций разных метафорических органов с головы, представлявшей духовную власть, и с метафоры мистического тела: «...все суть единое тело во Иисусе Христе и в этом теле св. Петр Римский является главой...»⁵⁵. У главы есть органы «чувств, с помощью которых <она> управляет другими частями тела, и так же, как жилы расходятся от головы, которые соединяют вместе и скрепляют части тела, <...> так и глава, который есть св. Петр Римский, <...> должен быть крайне рассудительным и мудрым, чтобы управлять всеми христианами, которые являются членами Церкви»⁵⁶. Отдав должное главе и духовному сословию, говорящий замечает, что великий философ (под ним подразумевается Аристотель) пишет, что сердце появляется в ор-

⁵² “...A la conposicion de l'onme sont neccessaires deuz natures: espirituelle conme est l'ame, et corporele conme est le corps et sez membres” (Ibid. P. 60).

⁵³ “...En ce corps sont diverses partiez et plusieurs membres” (Ibid.).

⁵⁴ “Et, ainssi conme en corps humain le cuer et la teste ont divers offices, semblablement, ou gouvernement mundain a deux juridicacions toutes divisées, c'est assavoir l'espirituelle, qui est representee ou chief, et la temporele, qui est representee ou cuer” (Ibid.).

⁵⁵ “...Touz sonmes en Jhesuchrist un corps, et de cel corps le Saint Pere de Ronme est chief...” (Ibid.).

⁵⁶ “...Chief devient estre lez senz, par lezquelx lez aultres membres devient estre governés, et ainssi conme du chief descendent lez ners, par lezquelx lez aultres membres sont conjoins et affermés ensembles, <...> aussi ou chief, c'est assavoir ou Saint Pere de Ronme, qui doit estre chief de touz espirituellement, doit estre très grant discrecion et sapience pour govemer touz Crestians, qui sont lez membres de l'Eglise” (Ibid. P. 61).

ганизме человека или животного раньше головы, и оно же является причиной жизни: «Сердце есть начало вен, которые доставляют кровь в другие члены и без которых тело не может жить»⁵⁷. Естественно, после того как папа Римский провозглашается главой, король в этом метафорическом теле занимает место сердца. Но перед автором стоит нелегкая задача доказать, что сердце важнее головы, которая находится выше и отдает приказания другим частям тела [Miethke 2014, pp. 275–292]. Для этого он прибегает к аргументам из более раннего полемического французского произведения о папской и королевской власти *Quaestio de potestate papae* (другое название – *Rex pacificus*, 1302 г.) [Dyson 2000]. Как и автор упомянутого источника, рыцарь во «Сне садовника» называет короля не только сердцем, а значит, «началом жизни», но и «истинным (правовым) основанием (le droite foundation)», поскольку автор *Quaestio de potestate pape* доказывал, что греческое слово *basileus* происходит от понятия *basis*, «основание», без которого государство не могло бы существовать⁵⁸. Поэтому правитель, даже не являясь в этой органологической модели головой, все равно остается наиважнейшей частью тела, без нее невозможна сама жизнь всего организма. Автор «Сна садовника» пишет: «светский сеньор, который есть король своей страны, правильно назван ее началом и истинным основанием, сердцем, в силу справедливости, которую он в этой стране поддерживает и без которой государство не может быть сильным и не сможет устоять»⁵⁹. Далее справедливость, т. е. правильное исполнение государем своих судебных и законодательных функций, сравнивается в тексте с кровью, которая и является живительной силой в венах и членах государственного тела. Король должен управлять политическим телом посредством «вен, т. е. посредством добрых дел, правильных приказов и суждений»⁶⁰. Папа и монарх, согласно этой логике, должны существовать раз-

⁵⁷ “...Cuer est le comancement dez voynes, lezquelles transportent le sanc aux aultres membres, sanz lequel le corps ne pourret vivre...” (Ibid. P. 61).

⁵⁸ Можно с уверенностью утверждать о том, что автор «Сна садовника» вдохновлялся идеями, изложенными в *Quaestio de potestate pape*, поскольку в следующей же главе (XXXIX) он цитирует этот источник (Ibid. P. 62).

⁵⁹ “...Le seigneur temporel, conme est le Roy en son royaume, proprement est dit le conmanement, et la droite fundacion, et le cuer, de touz ceulx de son royaume pour la justice que il exerce, sanz laquelle la chose publique ne puet bonement estre ferme ne estable” (Ibid. P. 61).

⁶⁰ “...Par lez voines, c’est a dire par bons moyens, bones ordenances et jugemens...” (Ibid.).

дельно и параллельно друг другу: каждый в ответе за свои функции и обязанности, понтифик должен управлять делами духовными, а король – мирскими, «временными».

Священник возражает ему, что если папа действительно является главой, то в его ведении должны находиться как духовные, так и мирские дела. Рыцарь, в свою очередь, отстаивает точку зрения, утверждая, что власть духовная, во-первых, не является непосредственной причиной появления и существования власти земной согласно Аристотелю, и во-вторых, что Христос не назначал правителей, но зато дал апостолам власть «вязать и разрешать» только в том, что касается вопросов веры. Клирик отвечает, что земная иерархия создана по подобию небесной, что государство подражает устройству Церкви⁶¹. Ему возражают, говоря о том, что хотя царство на небе походит на царство земное, оно отличается тем, что «ангелы не имеют тела»⁶² в отличие от людей, а потому на земле царствуют совсем иначе, чем на небесах. Небесная иерархия не может быть воплощена в нашем мире еще и потому, продолжает рыцарь, что «в Царствие Небесном есть лишь один Царь», а в земной модели управления существуют на равных власть церковная и светская. Во время разговора о мирской и духовной властях он вновь прибегает к телесной метафоре, утверждая, что «и сердце не служит главе», а папа «не обязан служить земным сеньорам»⁶³. Дискуссия о юрисдикциях церковной и светской властей в «Сне садовника» является эхом начавшейся в конце XIII в. борьбы французских королей с римской курией, во многом родственной соперничеству XI–XII вв. за инвеституру в Германии. Само произведение представляет собой оформленные в виде диалога аргументы из различных памфлетов и трактатов, написанных в первой половине XIV в. Помимо упомянутого трактата *Quaestio de potestate pape* автор вдохновлялся такими произведениями, как «Диалог» Уильяма Оккама, «Защитник мира» Марсилиа Падуанского, «Спор между воином и клириком» (*Disputatio inter militem et clericum*) неизвестного автора (ок. 1297), и некоторыми другими [Miethke 2014, pp. 275–292]. Этот пласт литературы был

⁶¹ Ibid. P. 63–68.

⁶² “...Car lez anges n’ont point de corps...” (Ibid. P. 69).

⁶³ “Et est assavoir car, ainsi que la teste ne sert au cuer, for seulement en tant que il luy appartient selon l’office de nature et pour la conservation de tout l’onme, pour ly adrecher a sa fin très parfaite, et aussi le cuer ne sert au chief, for tant que il appartient et que il luy est comis selon l’office de nature, par paraille voie, le Saint Pere de Ronme, qui est chief de touz Crestians en espirituauté, n’est tenu de servir aux seigneurs terrians...” (Ibid. P. 70).

обязан своему появлению конфликту между папой Бонифацием VIII, понтификом, который был достаточно осведомленным в юридических вопросах и стремился укрепить папскую власть как юридически, так и институционально, и французским королем Филиппом IV Красивым. Формальным предлогом для конфликта стало отлучение от Церкви кардиналов из семьи Колонна, нашедших прибежище во Франции, но истинной причиной было стремление французского монарха обособиться и создать автономную от Рима галликанскую церковь, в которой часть властных полномочий над иерархами находилась бы в руках светского правителя. Филипп IV мог вмешиваться в дела клира, назначая и смещая епископов, облагать представителей духовенства налогами, собирать в свою пользу доходы с бенефициев. Когда французский король конфликтовал для войны с англичанами собранную церковную десятину, Бонифаций наложил запрет в булле *Clericos laicos* 1296 г. на сбор налогов с духовных лиц гражданскими чиновниками под угрозой отлучения от Церкви [Гергей 1996, с. 148–154]. Булла стала катализатором интеллектуального соперничества между поэтами и легистами короля и папской курией, финальным аккордом которого стала булла Бонифация *Unam Sanctam*. В защиту короля в том же 1302 г. богословом-доминиканцем Иоанном Парижским был написан трактат «О королевской и папской власти» (*De potestate regia et papali*), в котором, как и в «Сне садовника», высказывалась мысль о разделении двух ветвей власти, их равноправии и допускалась возможность низложения папы, если деятельность его не приносит общине верующих пользы [Чичерин 2006, с. 200–213]. Именно в русле опровержения главенства понтифика в вопросах экономических и политических, особенно касающихся внутренних дел Французского королевства, создается и «Сон садовника», который с помощью схоластических и юридических аргументов должен обосновать право монарха на инвеституру и бенефиции [Quillet 1977, pp. 169–171].

Во второй части произведения, после глав, посвященных другим полемическим сюжетам, спорящие вновь возвращаются к телесной метафоре, причем на этот раз в качестве аргумента ее использует уже священник. В 94-й главе в диспуте о природе духовной и светской властей метафора тела всплывает в ином контексте: священник говорит о том, что понтифик должен быть владыкой над обеими властями, ссылаясь на Ветхий Завет. Рыцарь возражает ему, утверждая, что светская природа власти появилась раньше духовной точно так же, как сердце в теле человека зарождается раньше головы⁶⁴. Он идет далее и заявляет, что не следует менять эти две составляющие

⁶⁴ Le songe du vergier. Vol. 2. P. 75.

политического тела местами или смешивать их функции во избежание болезни или превращения этого тела в монструозное: «Итак, подобно тому, как в человеческом теле есть два главных члена, которые выполняют две разных обязанности (*offices*), т. е. сердце и голова, и один не должен вмешиваться в обязанности другого, так и в мире есть две юрисдикции, на которые все разделено и обособлено, т. е. на юрисдикцию духовную и мирскую, которые имеют разные предназначения»⁶⁵. Но дисфункция в политическом теле наступает не только из-за смешения двух видов власти или узурпации всей ее полноты лишь одной стороной, но и из-за полного отсутствия в политическом теле какой-либо одной из этих двух составляющих: «И как мы видим в теле человека, что, когда нет сердца или главы, то это становится причиной разрушения и гибели, так же и если не имеется никакого светского или духовного правителя (*seigneur*), то это может стать причиной разрушения мира. Таким образом, они оба необходимы, как в управлении (*gouvernement*) (государством. – П. Б.), так и в хорошем управлении миром (*la bone pollice du monde*)»⁶⁶. Далее рыцарь повторяет, что в ведении головы, т. е. папы Римского, находится власть духовная, которую он осуществляет посредством мудрого и добродетельного управления членами Церкви. Затем он снова повторяет мысль о том, что король является сердцем политического тела, т. е. его «основанием», а после этого приводит упоминавшуюся интерпретацию политического тела, где правитель является источником «справедливости» (*la commencement et la fermeté de justice*), без которого государство (*la chose publique*) не может устоять. От сердца политического тела исходят вены, являющиеся «законами и ордонасами (*loys et ordenances*), по которым доставляется эта мирская субстанция в другие члены, без коей тело человеческое не может жить»⁶⁷. Под мирской субстанцией, по всей

⁶⁵ «Ainssi, donques, que en corps humain sont deux membres principaux, lezquelx ont deux offices tous divers, c'est assavoir le cuer et la teste, et ne se doit l'un entremettre de l'office de l'autre, ainssi ou monde a deux juridictions toutes divisées et separees, c'est assavoir la juridiction espirituelle et la temporelle, et ont divers offices» (Ibid. P. 76).

⁶⁶ «Et come nous veons en corps humain que, se il n'avoit point de cuer ou de teste, ce seroit cause de sa distraction et de sa mort, aussi, se il n'estoit aucun seigneur séculier ou espirituel, ce seroit cause de la distraction du monde. Ilz sont donques touz deux nécessaires, quant au gouvernement, et quant a la bone pollice du monde» (Ibid.).

⁶⁷ «...Loys et ordenances, par lezquelles la substance temporelle si est transportee aux aultres membres, sanz laquelle corps humain ne pourret vivre» (Ibid. P. 77).

видимости, понимается, с одной стороны, сама власть, осуществляемая правителем, а с другой – справедливость, источником которой должен быть монарх, конкретнее – справедливые законотворчество и судопроизводство в подвластном ему государстве.

Автор «Сна садовника» был хорошо знаком не только с трактатом *Quaestio de potestate pape* (1302), но и с «Поликратиком» Иоанна Солсберийского⁶⁸ и некоторыми произведениями Эгидия Римского и Николя Орема⁶⁹, поэтому, даже не являясь прямым восприемником традиции «зерцал для правителей», он продолжает развивать метафору политического тела с целью утвердить позиции королевской власти по отношению к Церкви. Одной из характерных черт «Сна садовника» становится постепенная секуляризация политического тела: если авторы *Liber de informatione principum* и «Совета королям» никак не упоминают положения духовенства в структуре тела государства, ограничиваясь умолчанием, то автор «Сна садовника» активно спорит о роли понтифика и представителей Церкви в политической жизни государства. Вслед за автором *Quaestio de potestate pape* он меняет короля и духовенство местами: те, кто являлся душой в органологической модели Иоанна Солсберийского, теперь занимают место головы, а сердце отныне объявляется наиболее важным и центральным органом. Даже несмотря на то что версия политического тела с правителем-«сердцем» не получит дальнейшего развития, антиклерикальный подтекст «Сна садовника» станет первым шагом к исключению в более поздних концепциях клириков из разряда управляющих частей тела государства и включения их в низшие его части наравне с другими непривилегированными сословиями (подробнее см.: [Бычков 2021а, с. 35–51]).

Таким образом, нами были рассмотрены различные стратегии средневековой интерпретации метафоры политического тела во французских источниках XIV в. Для того чтобы описать государственное устройство, объяснить механику взаимодействия между подданными и властью, аргументировать необходимость взаимовыгодных отношений разных сословий, авторы источников прибегают к образу человеческого тела. В отличие от других моделей описания социальной действительности, например трехчастной функциональной модели общества с его сословным делением на «молящихся», «сражающихся» и «трудящихся» [Дюби 2000], метафора политического тела одновременно выступала наглядной

⁶⁸ «Поликратик» цитируется и упоминается минимум в двух главах: *Le songe du vergier*. Vol. 1. P. 227, 409. См.: [Linder 1977, pp. 315–366].

⁶⁹ Автор «Сна садовника» ссылается на трактат *De configurationibus qualitatium* Николя Орема, см.: *Le songe du vergier*. Vol. 1. P. 313.

иллюстрацией не только строгой предзаданности социальных ролей, но и иерархичности общественного устройства. Более того, она позволяла акцентировать внимание реципиентов на других особенностях социально-политического порядка – на тесной взаимосвязи между разноразмерными социальными группами и отдельными политическими акторами, на наличии общих интересов у всех участников политико-экономических процессов, на разнообразии социальных функций и многоочленности внутри «трех сословий». Благодаря этой полисемии метафора тела из «Поликратика» Иоанна Солсберийского в XIII–XIV вв. стала необходимой частью «зеркал для правителей» – поучительных трактатов об управлении государством, многие из которых начинались с образа политического тела. Анонимные авторы *Liber de informatione principum* и «Совета королям» пересказывают формулировку из «Поликратика» с некоторыми изменениями, понемногу модернизируя и адаптируя ее под французские политические реалии. Автор «Сна садовника» прибегает к образу политического тела для аргументации разделения духовной и светской ветвей власти, доказывая, что монархия – столь же важный институт, как и Церковь, и что короли имеют полное право вести независимую от церковных иерархов политику. В картине, которую рисует нам автор этого диалога, Церковь и королевская власть сосуществуют друг с другом в одном мистическом теле человечества как сердце и голова. Если метафора политического тела часто выступала как идеал, образец правильного государственного устройства, то антиподом ей был образ больного или монструозного государственного тела, в котором нарушено соотношение живительных соков, гуморов (как, к примеру, в трактате «О монете» Николая Орема). Метафора тела привлекается французскими авторами как инструмент рефлексии в ситуации политического кризиса 1380–1400-х гг., усугублявшегося войной с Англией и непрекращающимися народными восстаниями. К образу больного или растерзанного тела обращается в своих балладах поэт Эташ Дешан, когда хочет продемонстрировать плачевное состояние Французского королевства, одолеваемого междоусобными распрями крупных феодалов и тяготами войны. В отличие от достаточно статичной трехчастной схемы сословного деления общества, имеющей, скорее, нормативный характер, метафорическая модель оказывается более восприимчива к актуальным политическим событиям, выступая как удобный инструмент для описания кризисных ситуаций. Так когнитивная метафора тела становится не только средством фиксации, но и средством поиска решений – имплицитно встроенный в повествование литературный троп обеспечивает автора большей свободой в выражении своих мыслей.

Литература

- Арнаутова 2019 – *Арнаутова Ю.Е.* Модели истолкования социальной действительности в Средние века // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 241–252.
- Блок 2003 – *Блок М.* Феодалное общество / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
- Бычков 2021a – *Бычков П.С.* Метафора человеческого тела как способ описания социального в «Книге политического тела» Кристины Пизанской // Одиссей: Человек в истории: Социальные категории и их интерпретация на языке метафор. 2021. № 29. С. 35–51.
- Бычков 2021b – *Бычков П.С.* Аллегория vs метафора: осмысление Французского королевства в XIV–XV вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016467-2-1/> (дата обращения 24.03.2023).
- Воскобойников 2019 – *Воскобойников О.С.* Casus belli, или Без царя в голове: Анонимная поэма «Чрево» и поэтика тела в XII–XIII вв. // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2019. Вып. 14. С. 319–337.
- Гаспаров 1972 – *Гаспаров М.Л.* Античная литературная басня. М., 1972. 283 р.
- Гергей 1996 – *Гергей Е.* История папства. М.: Республика, 1996. 463 с.
- Гладков 2018 – *Гладков А.К.* «Политическая философия» Иоанна Солсберийского: основные тенденции изучения в зарубежной историографии второй половины XX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 17–26.
- Дюби 2000 – *Дюби Ж.* Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.
- Кола 2002 – *Кола Д.* Политическая семантика “Etat” и “état” во французском языке // Понятие государства в четырех языках. СПб.; М., 2002. С. 75–114.
- Портер, Вигарелло 2017 – *Портер Р., Вигарелло Ж.* Тело, здоровье и болезни // История тела. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М., 2017. С. 254–285.
- Чичерин 2006 – *Чичерин Б.Н.* История политических учений / Вступ. ст. и коммент. И.И. Евлампиева. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 720 с.
- Adrados 2000 – *Adrados F.R.* History of the Graeco-Latin fable. The fable during the Roman Empire and in the Middle Ages. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 756 p.
- Autrand 1986 – *Autrand F.* Charles VI: la folie du roi. P.: Fayard, 1986. 644 p.
- Bernard 1968 – *Bernard G.* Espace et état dans la France du bas Moyen Âge // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 23e année. 1968. No. 4. P. 744–758.
- Bliggenstorfer 1996 – *Bliggenstorfer S.* Eustache Deschamps et la satire du ventre plein // Banquets et manières de table au Moyen-âge. Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 1996. P. 355–374.
- Camille 1993 – *Camille M.* The king's new bodies. An illustrated mirror for princes in the Morgan Library // Künstlerischer Austausch Akten des XXVIII. Internationalen Kongresses für Kunstgeschichte, Berlin, 15–20 Juli 1992 / Ed. by Th.W. Gaetgens. Berlin: Akademie Verlag, 1993. P. 393–405.

- Collins 2022 – *Collins J.B.* The French monarchical commonwealth, 1356–1560. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 330 p.
- Dyson 2000 – *Dyson R.W.* Quaestio De Potestate Papae (Rex Pacificus). An enquiry into the power of the Pope. A critical edition and translation. N.Y.: Edwin Mellen Press, 2000. 136 p.
- Genet 1983 – *Genet J.-P.* L'état de la fin du Moyen Âge et le concept d'espace économique (France – Angleterre) // La France de la fin du XVe siècle. Renouveau et apogée / Ed. par B. Chevalier, P. Contamine. P.: CNRS Éditions, 1983. P. 35–50.
- Hartmann 2007 – *Hartmann C.C., de.* Lateinische dialoge: 1200–1400. Literaturhistorische Studie und Repertorium. Leiden; Boston: Brill, 2007. 823 S.
- Harvey 2007 – *Harvey A.D.* Body politic. Political metaphor and political violence. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007. 135 p.
- Jonsson 1995 – *Jonsson E.M.* Le miroir. Naissance d'un genre littéraire. P.: Les Belles Lettres, 1995. 235 p.
- Kalachanis, Michailidis 2015 – *Kalachanis K., Michailidis J.* The Hippocratic view on humors and human temperament // European Journal of Social Behaviour. 2015. Vol. 2. Iss. 2. P. 1–5.
- Krynen 1981 – *Krynen J.* Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380–1440). Étude de la littérature politique du temps. P.: Éditions A. et J. Picard, 1981. 341 p.
- Laccassagne 1998 – *Laccassagne M.* Poétique et politique du corps dans l'œuvre d'Eustache Deschamps // Le geste et les gestes au Moyen Age. Marseille: Presses universitaires de Provence, 1998. No. 41. P. 319–337.
- Lassabatère 1995 – *Lassabatère T.* Eustache Deschamps et les Marmousets, d'après la "Fiction de l'Aigle" et quelques autres pieces // Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France. P.: Editions de Boccard, 1995. P. 69–82.
- Lepot 2014 – *Lepot J.* Un miroir enluminé du milieu du XIVe siècle: l'Avis aus roys: thèse de doctorat. 2014. Orléans: Université d'Orléans, 2014. T. 1–2. 262 p.
- Linder 1977 – *Linder A.* The knowledge of John Salisbury in the Late Middle Ages // Studi medievali. 1977. No. 18. P. 315–366.
- Miethke 2014 – *Miethke J.* Théorie politique dans les dialogues bilingues au XIVe siècle. Public et fonction du Somnium Viridarii ou Songe du Vergier d'Évrart de Trémaugon // Revue de l'histoire des religions. 2014. No. 2. P. 275–292.
- Michel-Collectif 2022 – Les miroirs aux princes aux frontières des genres (VIII–XV siècle) / Ed. by N. Michel-Collectif. P.: Classiques Garnier, 2022. 335 p.
- Noga 2007 – *Noga A.* Passions and tempers. A history of the humours. N.Y.: HarperCollins, 2007. 400 p.
- Quillet 1977 – *Quillet J.* La philosophie politique du Songe du Vergier (1378). Sources doctrinales. Paris: Vrin, 1977. 184 p. (L'Église et l'État au Moyen Âge, 15).
- Peil 1985 – *Peil D.* Der Streit der Glieder mit dem Magen. Frankfurt a/M.; Bern; N.Y.: P. Lang, 1985. 229 S.
- Schnerb-Lièvre 1986 – *Schnerb-Lièvre M.* L'auteur du Somnium viridarii en est-il le traducteur? // Revue du Moyen Âge latin. 1986. T. 42. P. 37–40.

- Scordia 2004 – *Scordia L.* Le roi, l'or et le sang des pauvres dans Le livre de l'information des princes, miroir anonyme dédié à Louis X // Revue historique. 2004/3. No. 631. P. 507–532.
- Struve 1983 – *Struve T.* Pedes rei publicae. Die dienenden Stände im Verständnis des Mittelalters // Historische Zeitschrift. Bd. 236. 1983. S. 14–18.

References

- Adrados, F.R. (2000), *History of the Graeco-Latin fable. The fable during the Roman Empire and in the Middle Ages*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA, Köln, Germany.
- Arnautova, Yu.E. (2019), “Models of interpreting social reality in The Middle Ages”, *Prepodavatel' XXI vek*, no. 4, pp. 241–252.
- Autrand, F. (1986), *Charles VI: la folie du roi*, Fayard, Paris, France.
- Bernard, G. (1968), “Espace et état dans la France du bas Moyen Âge”, *Annales. Economies, sociétés, civilisations*, no. 4, pp. 744–758.
- Bliggenstorfer, S. (1996), “Eustache Deschamps et la satire du ventre plein”, in *Banquets et manières de table au Moyen-âge*, Presses universitaires de Provence, Aix-en-Provence, France, pp. 355–374.
- Blok, M. (2003), *Feodal'noe obshchestvo* [Feudal society], Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, Moscow, Russia.
- Bychkov, P.S. (2021), “The use of body metaphor in describing the social in Christine de Pizan's ‘The Book of the Body Politic’”, *Odissei: Chelovek v istorii: Sotsial'nye kategorii i ikh interpretatsiya na yazyke metafor* [Odysseus. Man in History. Social Entities and Their Metaphorical Interpretations], no. 29, pp. 35–51.
- Bychkov, P.S. (2021), “Allegory vs metaphor. Conceptualizing French kingdom in 14th – 15th cc.”, *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya”* [The Journal of Education and Science “History”], vol. 12, iss. 8 (106), available at: <https://history.jes.su/s207987840016467-2-1/> (Accessed 24 March 2023).
- Camille, M. (1993), “The king's new bodies. An illustrated mirror for princes in the Morgan Library”, in *Künstlerischer Austausch Akten des XXVIII. Internationalen Kongresses für Kunstgeschichte, Berlin, 15–20 Juli 1992*, Akademie Verlag, Berlin, Germany, pp. 393–405.
- Chicherin, B.N. (2006), *Istoriya politicheskikh uchenii* [History of political doctrines], vol. 1, Izdatel'stvo RHGA, Saint Petersburg, Russia.
- Colas, D. (2002), “Political semantics of ‘Etat’ and ‘état’ in French”, in *Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh* [The concept of the state in four languages], Saint Petersburg, Moscow, Russia, pp. 75–114.
- Collins, J.B. (2022), *The French monarchical commonwealth, 1356–1560*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Dyson, R.W. (2000), *Quaestio De Potestate Papae (Rex Pacificus). An enquiry into the power of the Pope. A critical edition and translation*, Edwin Mellen Press, New York, USA.

- Dyubi, J. (2000), *Trekhchastnaya model, ili Predstavleniya srednevekovogo obschestva o sebe samom* [The three-part model, or Medieval society's representations of the self], Yazyki russkoi kulturi, Moscow, Russia.
- Gasparov, M.L. (1972), *Antichnaya literaturnaya basnya* [Antique literary fable], Moscow, USSR.
- Genet, J.-P. (1983), "L'état de la fin du Moyen Âge et le concept d'espace économique (France – Angleterre)", in Chevalier, B. and Contamine, P. (ed.), *La France de la fin du XVe siècle. Renouveau et apogée*, CNRS Éditions, Paris, France.
- Gergei, E. (1996), *Istoriya papstva* [History of the papacy], Respublika, Moscow, Russia.
- Gladkov, A.K. (2018), "Political Philosophy" by John of Salisbury. Main trends in its study in foreign historiography in the second half of the 20th century, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 5, pp. 17–26.
- Hartmann, C.C., de (2007), *Lateinische dialoge: 1200–1400. Literaturhistorische Studie und Repertorium*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA.
- Harvey, A.D. (2007), *Body politic. Political metaphor and political violence*, Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, UK.
- Jónsson, E.M. (1995), *Le miroir. Naissance d'un genre littéraire*, Les Belles Lettres, Paris, France.
- Kalachanis, K. and Michailidis, J. (2015), "The Hippocratic view on humors and human temperament", *European Journal of Social Behaviour*, vol. 2, iss. 2, pp. 1–5.
- Krynen, J. (1981), *Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380–1440): étude de la littérature politique du temps*, A. et J. Picard, Paris, France.
- Lassabatère, T. (1995), "Eustache Deschamps et les Marmousets, d'après la 'Fiction de l'Aigle' et quelques autres pieces", in *Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France*, Editions de Boccard, Paris, France, pp. 69–82.
- Laccassagne, M. (1998), « Poétique et politique du corps dans l'œuvre d'Eustache Deschamps », in *Le geste et les gestes au moyen âge*, Presses universitaires de Provence, Marseille, France, no. 41, pp. 319–337.
- Lepot, J. (2014), *Un miroir enluminé du milieu du XIVe siècle: l'Avis aus roys*, 2 t., Ph.D. Thesis, Université d'Orléans, Orléans, France.
- Linder, A. (1977), "The knowledge of John Salisbury in the Late Middle Ages", *Studi medievali*, no. 18, pp. 315–366.
- Miethke, J. (2014), "Théorie politique dans les dialogues bilingues au XIVe siècle. Public et fonction du Somnium Viridarii ou Songe du Vergier d'Évrart de Trémaugon", *Revue de l'histoire des religions*, no. 2, pp. 275–292.
- Michel-Collectif, N. (ed.) (2022), *Les Miroirs aux princes aux frontières des genres (viii-xve siècle)*, Classiques Garnier, Paris, France.
- Noga, A. (2007), *Passions and tempers: a history of the humours*, HarperCollins, New York, USA.
- Peil, D. (1985), *Der Streit der Glieder mit dem Magen*, P. Lang, Frankfurt-a/M., Germany.
- Porter, R. and Vigarello, Z. (2017), "Body, health and disease", *Istoriya tela. T. 1: Ot Renaissance do epokhi Prosveshcheniya* [The History of the Body. Vol. 1: From the

- Renaissance to the Enlightenment], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, pp. 254–285.
- Quillet, J. (1977), *La philosophie politique du Songe du Vergier (1378). Sources doctrinales*, Vrin, Paris, France. (*L'Église et l'État au Moyen Âge*, 15)
- Scordia, L. (2004), “Le roi, l’or et le sang des pauvres dans Le livre de l’information des princes, miroir anonyme dédié à Louis X”, *Revue historique*, no. 631, pp. 507–532.
- Schneerb-Lièvre, M. (1986), “L’auteur du *Somnium viridarii* en est-il le traducteur?”, *Revue du Moyen Âge latin*, t. 42, pp. 37–40.
- Struve, T. (1983), “*Pedes rei publicae*. Die dienenden Stände im Verständnis des Mittelalters”, *Historische Zeitschrift*, Bd. 236, SS. 14–18.
- Voskoboinikov, O.S. (2019), “*Casus belli*, or Without a king in the head. The anonymous poem ‘The Womb’ and the poetics of the body in the 12th – 13th centuries”, *Kazus. Individual’noe i unikal’noe v istorii*, no. 14, pp. 319–337.

Информация об авторе

Павел С. Бычков, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; rumblebuffin@yandex.ru

Information about the author

Pavel S. Bychkov, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; rumblebuffin@yandex.ru